

> МАГИСТРАЛЬ >

БОРА ЧОСИЧ

Роль моей семьи
в мировой революции

Москва

УДК 821.163.41-31
ББК 84(4Сеп)-44
Ч-75

Borivoj Cosic
ULOGA MOJE PORODICE U SVETSKOJ REVOLUCIJI

“Uloga moje porodice u svetskoj revoluciji”
was published in 1980 by Nolit, Belgrade +
© 2002, Suhrkamp Verlag AG, Berlin

Перевод с сербского *Василия Соколова*
Художественное оформление *Натальи Портяной*

Чосич, Бора.

Ч-75 Роль моей семьи в мировой революции / Бора Чосич ; [перевод с сербского В. Соколова]. — Москва : Эксмо, 2026. — 224 с.
ISBN 978-5-04-222890-2

Бора Чосич — один из самых известных сербских и хорватских писателей XX века. Его роман «Роль моей семьи в мировой революции» — литературная мозаика. Ее собирает маленький мальчик, с детской непосредственностью рассказывающий о жизни своей родни.

Их дом всегда был полон событиями. Мама плакала, когда наступала осень. Отец носил в чемодане лоскутки. Незамужние тетушки отдавали все деньги уличным музыкантам. Дедушка всех высмеивал. А затем в Югославию вошли немецкие войска. После чего дядя «завел граммофон с целью нейтрализации криков».

В сборник также вошла «Записная книжка Музиля». Это сюрреалистическая повесть. И вновь о семье и жизни. И вновь Чосич использовал карнавальным метод, отдавая дань уважения теории Михаила Бахтина.

УДК 821.163.41-31
ББК 84(4Сеп)-44

© Соколов В. Н., перевод на русский язык, наследники, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-222890-2 ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Роль моей семьи
в мировой революции

МАМА

Мама сшила большой карман, на кармане вышила: «Для газет!» Вышила папу, сидящего на унитазе со спущенными штанами, читающего. Вышивка была в три цвета: цвет для папы, для штанов и для газет. Папа получился как живой, только, вопреки действительности, лысый — видимо, это была месть. В карман складывали газетную бумагу, заботливо разрезанную на одинаковые куски. Газеты резал дедушка большим кухонным ножом, но только те, которые уже прочитал отец. Мама залезла на подоконник с тряпкой в руке и, наклонившись над пропастью в три этажа, мыла окно. Все в доме визжали, дедушка хотел держать за ноги, одна тетка упала в обморок, вторая держалась. Отец спросил: «Обязательно висеть надо, когда окна моешь?» Мама сказала: «А как иначе?» Мама тушила помидоры в большом горшке, помидоры страшно бурлили. Мама влезла на скамеечку и с нее длинным черпаком мешала жидкое варево, будто ведьмину похлебку.

Дядя спросил: «А если грохнется?» Варевое кипело и плевалось устрашающими струями, пачкая стенку, причиняя ожоги родственникам, в том числе и дальним. Жизнь была полна опасностей.

Мама сказала: «Давайте-ка растянем шторы!» Шторы были стираные, еще мокрые, дедушка с дядей ухватились за края и тянули до изнеможения. Дедушка сказал: «Как на паруснике!»

Мама сказала: «Давайте-ка выжмем покрывало!» Дедушка с отцом вышли на террасу и принялись крутить мокрое полотнище, каждый в своем направлении. Дедушка сказал: «Это уже слишком!» Мама ответила: «Но надо!» Потом потребовала прибить карниз для штор. Дедушка принес стремянку, поднялся наверх с молотком в руке и спросил: «Я что, циркач?» Мама раскатывала тесто для лапши, раскатывалось оно лепешками, лепешки были громадные, похожие на мембрану, и под скалкой испускали тихий шумок, их развешивали по стульям. Мама развесила отцовские рубахи в ванной: сверху, с рукавов, капало, как в летний дождь. Мама поставила противни со сладкими пирогами на пианино марки «Бёзендорфер», на дедушкин сундучок, в другие места. Мама сушила укроп на старых газетах, которые занимали все шкафы. Мама выращивала шелковичных червей: личинки развивались, распре-

делившись по балконам с жестяными украшениями, по раковинам из Абации, по Эйфелевым башням, сильно уменьшенным. Мама нарезала лапши на следующий трехмесячный период и растрясла ее сушиться по кроватям. Отец спросил: «Что, война началась?» Дядя сказал: «Я поставлю мостки для хождения!» Я спросил: «Мы что, в театре?» Мама ответила: «Когда-нибудь кинетесь меня искать, а я на чердаке висеть буду!» И еще: «Это случится, когда свет в глазах моих померкнет!» Шелковичные черви шуршали, разыскивая новую порцию тутовых листьев.

Мама принялась стонать: зубы пришли в полную негодность. Закутала голову различными тряпками, мы ее не узнавали, а боль между тем не унималась. Дедушка воскликнул: «Сколько можно!» Мама сказала: «Я хочу умереть!» Дядя завел граммофон с целью нейтрализации криков. Граммофон был марки «Хиз мастере войс», с трубой и с ручкой. Как только мы переставали заводить, вновь слышались мамины крики. Мы крутили ручку как заведенные. Пластинки назывались «Района», «Ты никогда не узнаешь», пластинка графини Снебицкой, сопрано. Эта последняя была лучше всех благодаря громкости. Соседи бились об заклад, кто отличит графиню от мамы. «Зубы?» — спрашивали они. «Нет, — отве-

чал дядя, — графиня Снебицкая, сопрано, Польша!» Мы крутили опять и опять. Вообще было много механизмов с ручками. Мололи кофе, мак, орехи. У отца был механизм для заточки лезвий, тоже с ручкой. Был механизм для приготовления рубленых шницелей, так называемая фляйшмашина. Иногда все они вертелись одновременно. Это было невыносимо. «Только масло осталось дома сбивать!» — сказал огорченный дедушка.

Мама пыталась уговорить мужчин помочь ей в перемотке шерсти. Дедушка сказал: «Еще чего!» Отец сказал: «Я должен просмотреть кое-какие бухгалтерские книги!» Дядя сказал: «Я сейчас уезжаю, причем на велосипеде!» Я сказал: «Не хочу!» Мама перевернула стул кверху ножками, вздохнула: «Я могу и сама!» Кто-то пришел и сказал: «К госпоже Марте в четверг придет кавалер!» Мне показалось, что это что-то вроде «маляр» или что-то в этом духе. Тетя сказала: «Показывают чудный фильм — «Крик мяса!»» Дедушка сказал: «Это свинство какое-то!» В школе говорили: «Мать — это святое!» И снова рассказывали все ту же сказку о матери, которая босиком собирает какие-то веточки в лесу, а потом приходят волки и разрывают ее на части. Потом спрашивали: «Ну что, поняли?» Кто-то постучал в двери и сказал: «Госпожа, откройте, я от

вашего господина мужа!» Мама спросила: «Как фамилия моего мужа?» — а те прочитали на дверной табличке. Тогда мама сказала: «Я одна в доме с маленьким сыночком, но вы меня не обманете, бандиты!» Мама ела голубцы, но капустный лист застрял в горле, она вращала глазами, закидывала голову, но наконец справилась со смертоносным куском. Мама сказала: «Я уже была одной ногой в могиле!» И еще: «Скончалась бы на твоих глазах, а ты не смог бы мне помочь!» Мама сказала: «Я с сыном внезапно вернулась с курорта, перерыла мужнины карманы и, поверьте, дорогая, не нашла ничего такого: если бы он мне изменял, что-нибудь нашлось бы, но нет!» Отец пришел домой и сказал: «Что-то у меня чешется!» Отец скинул рубаху, на теле были красные пятна, очень большие. Мама запричитала: «Боже, ты у меня отравился!» Отец сказал: «Кто-то меня надул в смысле качества вина!» Маму в шутку столкнули спиной в воду, она стала тонуть, с ужасом призывая на помощь. Мама рассказывала об этом: «Сильный моряк схватил меня и спросил, неужели я не умею плавать, а я сказала, что умею, только меня застали врасплох!» Потом мама рассказала, как другой мужчина спас ее, не дав выпасть из трамвая, этот другой тоже был сильный. Мама вычитывала эти истории в календарях,

которые назывались «Вечный», «Крестьянский» или «Календарь торговой молодежи», в последнем были фотографии механизмов для переработки мяса и других прекрасных вещей. Мама отмечала в календаре отцовские трезвые дни, дни рождения членов семьи и годовщину своего падения с лестницы универсального магазина «Та-Та». О падении мама говорила: «Ничего не помню, слетела оттуда вниз в одно мгновение!» Потом добавляла: «Это повторилось еще раз на нашей лестнице, когда я куда-то спешила, потом пролежала восемь дней!» У мамы периоды времени были «восемь дней», «четырнадцать дней», «шесть недель», больше всего она любила «шесть недель». Все эти сроки относились к болезням. Мама говорила: «Посмотрите-ка, вот здесь у меня какая-то кость выпирает!» Все щупали нарост на ноге, нарост появлялся и исчезал, мама говорила: «Вы смеетесь, а что у меня на душе — не знаете!» Мама участвовала во многих конкурсах, особенно в тех, по условиям которых надо было сохранять упаковку отдельных продуктов питания. Мама участвовала в викторине, главным призом был «Летний отдых на Сушаке», мама получила третий приз — коробку конфет. Тетки все это считали унижительным; игра, которую обожали тетки, называлась «Меншергередих-

нихт», или «Не злись, человече!» Игра состояла в переставлении каких-то деревянных фигурок на картонной доске, полной кружков, или что-то в этом духе. Мама решала ребусы и над каждым писала ответ, например: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь!» — вследствие чего мы не могли решать ребусы после нее.

Мы с мамой пошли в гости. Мне дали какие-то журналы с картинками, мама и женщина пили кофе. В журналах были какие-то другие женщины в пестрых платьях, женщина говорила маме: «Незнакомый военный принесет вам пакет или же это будет какая-то новость!» В журналах были всадники, преодолевающие препятствия, женщина говорила: «В случае, если не поможет, попробуйте узелки!» А затем: «Все это надо делать, пока он спит!» Я все еще разглядывал картинку, на которой две женщины варили одну кастрюлю супа, когда женщина сказала маме: «То, что сегодня несбыточно, завтра станет явью!» Мы с мамой пришли к какому-то фотографу, фотограф всем говорил: «Улыбнитесь!» Мама сказала: «Это для родственников в Америке!» Я в песке делал куличики, господин подошел к маме и сказал: «Видите вон те красные облака? Они означают, что поднимется ветер!» Мама сказала мне: «Это господин профессор!» Мы

с мамой смотрели фильм, фильм был в красных тонах, назывался «Королева чардаша», я заснул на какое-то время. Мы смотрели два фильма с Диной Дурбин; в первом ей отрубают голову, во втором она целуется на диване с женщиной; я думал, что это продолжение, поэтому спросил: «Как это женщина с отрубленной головой может целоваться на диване?» Мама сказала: «Счастье твое, что ты еще дитя!» Мы приходили в разные приемные, мама говорила: «Посмотри пока эти журналы с картинками и веди себя хорошо, пока маму осмотрит господин доктор!» Разные люди спрашивали, как меня зовут и тому подобное, все это тянулось очень подолгу. В других приемных были те же иллюстрированные журналы, только мама, ожидая, вязала свитер или что-то в этом роде. Мама говорила: «Вся жизнь — ожидание!» В этих комнатах воняло, люди шептались. Мама их называла так: «Это пациенты!» В лавках пахло иначе, особенно в магазинах тканей. У сапожника, портного и у других по стенам висели какие-то календари, мы всюду ждали, пока что-то там для нас не закончат, я читал буквы в рамках под названием «Диплом мастера». Мама говорила: «Они никогда не держат слово!»

Мы когда-то откуда-то приехали, об этом все время шли разговоры. Вспоминались какие-то

Роль моей семьи в мировой революции

города типа Вировитица или что-то похожее, я в эти слова не верил. Мама говорила: «Я одну пару, абсолютно новую, угробила за ночь! — а затем добавляла: — Я так и шла по рукам!» Мама была чемпионкой по танцу чарльстон, я думал, что это название какого-то города. У мамы были кубки, серебряные, мама говорила: «Это за занятые первые места!» В одном комиксе утенок Дональд получил кубок, на кубке была надпись «Победителю в поедании оладий!» В июне мама говорила: «Как высоко солнце стоит!»

Через пару дней: «А сейчас клонится!» Тетки грустили: «Что, уже клонится?» Мама говорила: «Уже!»